

РЕЗВЫЦЫ 5⁽⁸⁾

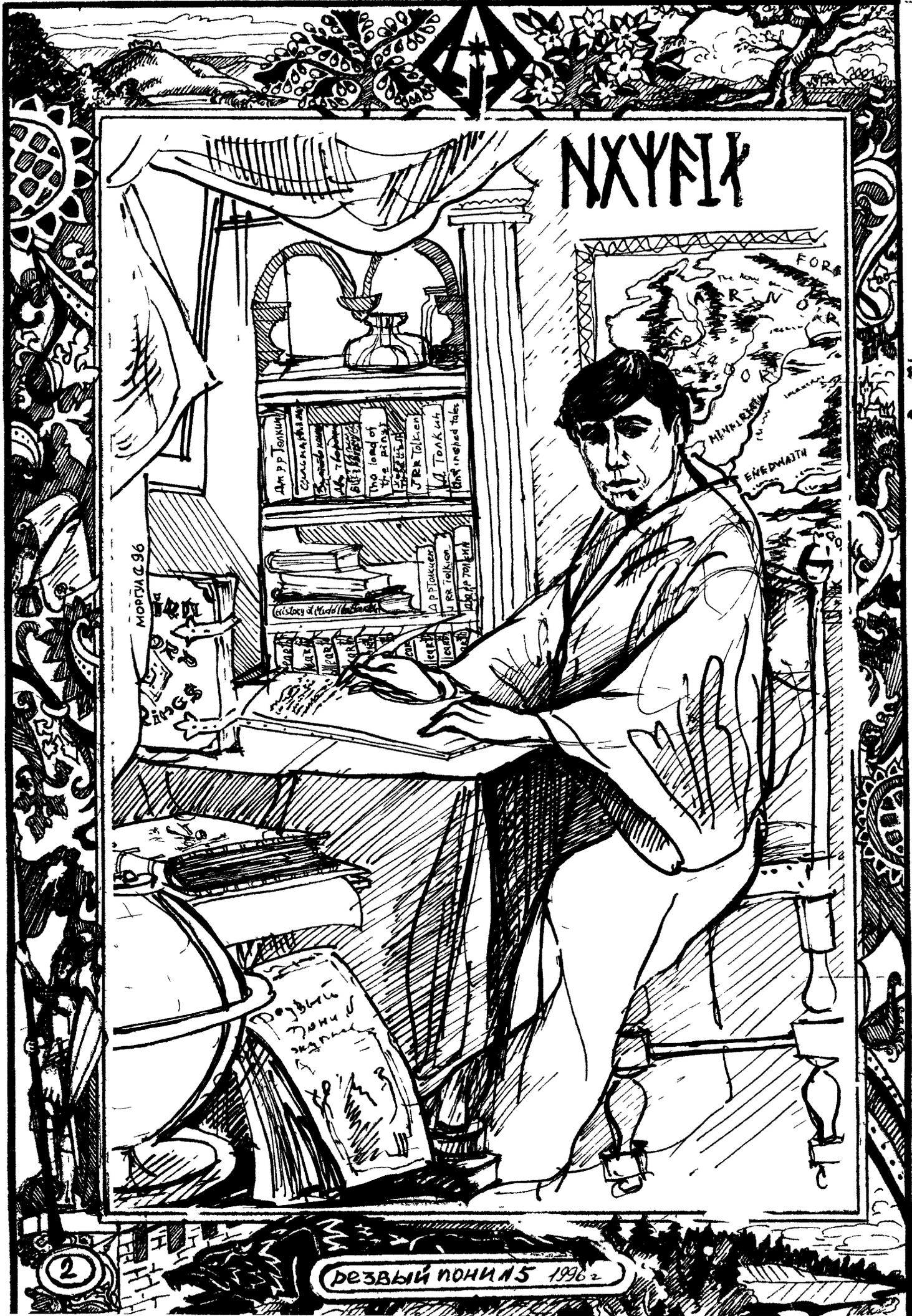

ДОЩУМАЙ
1996₂

ЖУРНАЛ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА

МОРГУЛ С 86

NYXVFX

MOPVAC 96

Дан 99 Тонки
Счастья
The land of
the stars
JTR Tolken
A Tolken
The inspired
A P Tolken
U RR Tolken
Tolken Tolken

FOR
MINNESOTA
EKE DWAITH

Добры
Тони
Знаме

haec olim memnisse iudabit.
Некогда нам будет радостно вспомнить и это (лат.)

(«Плавание Майль-Дуна», ирландская сага)

Ну что ж, господа, вот и лето на дворе. Но это — на дворе, а у нас ещё весна, поскольку читаете вы пятый в этом славном году выпуск «Резвого пони».

Мы (редакция) понимаем (от слова «пони»), что, мягко выражаясь, отстаём от календаря, но тем хуже для этого календаря. Да и вообще, эльфийский календарь точнее. Да и мы (и вы, полагаем, тоже), хотим, чтобы журнал получался как лучше, а не как другие журналы.

Итак, что же ждёт вашего внимания в этом выпуске?

Эпиграф выбран не случайно: два Толкиновских Семинара дали столь много интересного материала, что вспоминать их по-настоящему радостно. Сегодня мы продолжаем публикацию доклада Эрандила на декабрьском семинаре и попутно по секрету сообщаем, что доклад сей имеет-таки окончание, и к осени оно, возможно, состоится, а ныне полным текстом доклада не располагает даже автор.

Большой интерес вызвали доклады Татьяны Лазаревны Фиглин. Тема феномена произведений Толкина (и просто литературных произведений, имеющих отношение к *sub-creation*) с точки зрения психологии имеет прямое отношение к окружающей действительности. Не случайно, что произведший незабываемое впечатление доклад Степана Маркельча Печкина, с первой частью коего доклада вы можете ознакомиться немедленно, посвящён тому же вопросу. А уж если упомянуть в этом аспекте ролевые игры ... Но об этом немного погодя.

Мы продолжаем, как и обещали, печатать главу из романа Марии Семёновой «Волкодав — II». А в следующем номере вас ждёт начало подробной беседы с автором. Добавим к этому, что в начале июля состоится встреча Марии Семёновой с читателями. Информацию ловите в газете «Сорока»,

любезно предоставившей для этого радостного события помещение.

Также в этом выпуске мы заканчиваем публикации интервью с Николаем Перумовым и исследования о Минас Тирите, а заодно объявляем конкурс на лучшее изображение Белого Города.

Ну а теперь об играх, турпирах, ратной потехе. В «Резвом пони» уже неоднократно обнародовалась информация о летнем игровом сезоне, и в предстоящих летних выпусках она будет более подробной. Сейчас же поделимся сравнительно свежим воспоминанием: 26 мая сего года в Стрельнинском парке непрерывным и вполне каноническим альбионским дождём состоялся по возможности приближенный к каноническому Рыцарский турнир, проведённый силами Толкиновского общества Санкт-Петербурга. Одновременно с турниром проходила небольшая игра по артуровским мотивам, но ... Видимо, придётся дожидаться, когда вернётся Король, чтобы узреть во всей красе истинное рыцарство. Покамест же запомнились лихой морадановский хирд, удачные костюмы, играющий на флейте кельтские мелодии Моргил, вдохновенный святой отец ... Не было Игры. Турнир — это ведь не только спортивное состязание по фехтованию и не только бал-маскарад, а часть жизни, такой жизни, какой нам хотелось бы жить, то есть часть большой Игры, которая и игрой-то уже для многих не является. Не было той лёгкости и ясности, которая есть у Пушкина, Кузьмина или Франсуа Вийона — людей, глубоко понимавших и ценивших прошлое. Всё было как-то тяжеловесно, грозно, нахмурились брови и насулившишь, а ведь лик божий ясен и радостен, и мир лёгок и весел ... Не возникло мостика, связывающего настоящее с прошлым, почему-то дорогим для нас.

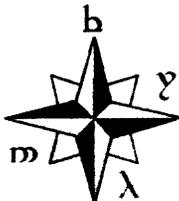
Однако, не стоит огорчаться. «Маньяк в России — больше, чем маньяк!» — сказал на турнире один доблестный сэр, и мы с ним в чём-то согласны. У нас и у вас ещё много всего впереди — вот, например, этот журнал. И, если он вам нравится, некогда нам будет радостно вспомнить и это ...

Редакция

Теория А.А.Тумилёва применительно к истории Средиземья

(доклад Францила на 2-м Юбилейном Мемориальном Съезде)
Продолжение спонгания. Начало см. в №№ 1(1), 2(5), 1(7) с.с.

7. Север.¹

Итак, почему же исчез древний Рованнон, а вместо него к середине III тыс. ТЭ на картах вдруг оказались Дэйл, Эсгарот, Беорнинги и рохирримы?

К концу II тыс. угроза для северян со стороны Ангмара была ликвидирована, юг Зеленолесья затенён Дол Гулдуром, с Востока можно было ждать любых неприятностей, гондорцы отступили за Андуйн и Белье горы, а память о чуме 1636 г. ещё не загладилась. Поэтому естественным было уйти в более безопасные места — к северу, тем более, что в Эреборе набирало силу королевство гномов, торговля с которым была страшно выгодна.

Всё так, но этого мало. Для адекватной реакции на враждебные внешние обстоятельства необходима повышенная способность к действию, при этом она должна быть хотя бы у 3% населения, иначе этнос либо исчезает как самобытная структура, либо гибнет, как это произошло со многими племенами североамериканских индейцев, тасманийцами и как это происходит ныне с народами Крайнего Севера.

Иное дело средиземский Север. Но откуда же у северян появился необходимый для смены стереотипов поведенческий признак? Привнесённая из Гондора пассионарность не могла сыграть столь существенной роли: последствия контакта Гондора и Рованиона рассмотрены в предыдущей главе, и проявились они гораздо раньше, начиная со времён Ромендакила I.

Северяне «некогда были многочисленным и могучим объединением народов» («Unfinished Tales», «Дружба Кириона и Эорла», курсив мой — Э.), а в начале III тыс. вместо этого возникают военная демократия — Эотеод, торговые республики — Эсгарот и Дэйл, королевство — Беорнинги и поселения «вольных людей» — песовиков и жителей Долин Андуйна. Добавим к этому, что примерно тогда же морийские гномы вместо того, чтобы героически погибнуть в подземных войнах с орками и балрогом, отправились почему-то к Серым горам, Эребору и Железным холмам, т.е. они знали куда идти и зачем, значит, у них была своя программа действий и способность эти действия осуществить. А с долго — более тысячелетия — молчавшего Руна нагрянули Возничие, и не просто с грабительским походом, а в результате миграции, вполне организованно, всерьёз и надолго.

Эти факты дают основание утверждать, что в XIX в. ТЭ через Средиземье прошёл ещё один пассионарный толчок, на оси которого оказались Минхириат, Мориа, долина Андуйна, центральная часть Зеленолесья, северный Рованнон и степи к северу от внутреннего моря. К западу от Туманных гор Эриадор к тому времени опустел настолько, что никакой этнической целостности там возникнуть не могло, а вот на северо-востоке последствия не замедлили сказаться.

У нас нет данных по истории Севера в III тыс., за исключением истории Эотеода. В 1899 г. вождь северян Мархвини помог Калимехтару одержать победу над Возничими, но восстание в Рованионе потерпело поражение, и Мархвини отошёл в Долины Андуйна, где собрал остатки войска и беженцев, чем и положил начало Эотеоду. В 1977 г. Фрумгар увёл Эотеод на север, в 2000 г. сын его Фрам одолел в бою дракона Скату, а у слияния Лангвельла и Грейлина была построена крепость Фрамбург.

Рованнонцы ничем подобным не отличались: жили в определённом ареале — лесостепи (а рохирримы, к примеру, лесов боялись), героев-драконоборцев среди них не водилось (да и просто полководцев тоже: войска Рованиона успешно действовали только под началом гондорцев), а укреплений строить и вовсе не умели («селлись большей частью на открытых местах» в низких деревянных домах, как повествуют «Unfinished Tales»). Мало того, даже языки у рованнонцев и рохирримов, беорнингов и народов Дэйла и Эсгарота отличны: у первых — явно готский, у вторых — древнеанглийский и древнескандинавский.

Часть рованнонцев, не присоединившихся к Мархвини, «... бежали за Келдуин, Бегучую, где смешались с народом Дэйла под Эребором, с которым они состояли в родстве, иные укрылись в Гондоре ... В большинстве же северяне были обращены в рабство, а их земли заняли Возничие» («Unfinished Tales»). Об укrywшихся в Гондоре речь уже шла, а тем, кому не передан пассионарный признак, была уготована рабская доля.

Не думаю, что отступление к Дэйлу, который, выходит, к 1900 г. уже существовал, можно однозначно назвать бегством. Бежать по степи от природных степняков-Возничих было бы делом безнадежным, значит, было не бегство, а весьма организованное отступление. Да и жители Дэйла, не имея они должной пластичности поведенческих стереотипов, не приняли бы к себе такое количество пришельцев, на плечах у которых висел опасный враг.

Кроме того, в «Хоббите» есть упоминание о некоей стране Дорвинион, лежащей близ моря Рун. Не исключено, что это была ещё одна ветвь рованнонцев, отступившая к юго-востоку.

Таким образом, налицо пассионарный толчок, создавший северный суперэтнос. Фазы подъёма и акматическая его не попали в гондорские хронографы, да это и понятно, ведь пешего пути от Минас Тирита до Фрамбурга было «восемьсот миль» («Unfinished Tales») через земли, наводнённые орками Туманных гор, затенённые Дол Гулдуром и открытые набегам истерпингов, т.е. вести практически не доходили. Да у двух суперэтносов были и свои внутренние нестолжные дела: Гондор переживал надлом, а от акматической фазы кочевых культур обычно остаётся мало памятников, если только степняки в это время не контактируют активно с каким-либо земледельческим суперэтносом, но рохирримы жили изолированно.

¹ При написании этой части доклада широко использованы сведения из собрания работ Дж.Р.Р.Толкина «Unfinished Tales». Автор доклада выражает автору русского перевода — С.М.Печкину — сердечную благодарность.

К 2500 г. ТЭ, однако, северный суперэтнос должен был перейти к фазе надлома, знаменующейся расколом суперэтноса. Так и произошло. В 2510 г. рохирримы в одночасье ушли с Севера в Каленардон. Конечно, были и призыв Кириона, и память о старой дружбе, и осознание поднимающейся в Мордоре чёрной силы, с которой можно было бороться только сообща. Но: грозившие Гондору балхоты (чей приход был результатом раскола в фазе надлома у тех же «истерпингов-2», фазу подъёма коих представляли Возничие) не могли дотянуться до Эотеода через Чернолесье, орки же Туманных гор не представляли серьёзной опасности для кавалерии рохирримов в степи, да и целых 500 лет ни о каких переселениях не было и речи.

Следовательно, причины надо искать внутри северного суперэтноса. В чём конкретно было дело, мы уже не узнаем, но можно указать на два фактора:

- 1) рохирримы недолюбливали эльфов, а лесное королевство Трандуила значительно к тому времени расширилось (возможно, тот же пассионарный толчок XIX в. повлиял и на эльфийское королевство);
- 2) если учесть, что в Войне Кольца Север с одной стороны и Гондор с Роханом с другой не выступили единым фронтом, понятно, что между воннами-рохирримами и торговыми республиками и королевствами Севера существовали значительные разногласия.

Карта пассионарных толчков в Средиземье в III-ю эпоху

- I (1 г.): 1 — Гондор, 2 — «истерпинги-1»
 II (1000 г.): 1 — хоббиты, 2 — Харад
 III (1850 г.): 1 — Морья, 2 — северяне, 3 — «истерпинги-2»

Вероятно, торговая экспансия Беорнингов, Дэйла и Эсарота при неизбежном при этом союзе с королевствами гномов привела к конфликтам на Севере, и Эорл блестяще использовал предоставившийся ему шанс: разом обрёл и сильного союзника — Гондор, и новое место расселения, не требующее смены способа ведения хозяйства — Каленардон.

Но возникает законный вопрос: где же все те бедствия, что сопровождают надлом? — от Эорла до Хельма Рохан процветал и расширялся, как повествует хроника. С виду так и было, но: во-первых, рохирримы — это этнос в составе северного средиземского суперэтноса, т.е. таксономическая единица на порядок ниже суперэтноса, отсюда большая вариабельность его судьбы. Эотеод был самой «нецивилизованной», окраинной частью Севера, а потому сохранил сильные традиции (традиции времён фазы подъёма), что позволяло удерживать в этнической структуре пассионариев и находить применение их силам. Следствием и того, и другого являются высокий уровень организованности внутриэтнической жизни и большая резистентность этноса даже в фазе надлома.

Во-вторых, до правления Хельма у Рохана не было значительной внешней угрозы — нашествия с Юга и Востока сдерживал, главным образом, Гондор. Едва только могучий южный союзник оказался не в силах оказать помощь, едва лишь немного активизировались в целом инертные, как и положено реликтовому этносу, дунлендинги, едва чуть-чуть после поражения балкотов зашевелился Руи, едва

природа сменила милость на гнев (Долгая Зима), как Рохан оказался на грани не то что военного поражения (оно было полным), но исчезновения как этноса.

А произошло все это как раз в самое нелегкое время — в конце фазы надлома (в 2759 г., по прошествии 800 лет после ухода Эотеода на Север — пускового момента роханского этногенеза), когда этнической системе необходимо совершить некоторое сверхусилие, направленное этнической доминантой, чтобы не развалиться.

К слову, подобная внешняя могучесть, разом пропадаящая от, казалось бы, незначительного толчка, характерна для фазы надлома. Учёные по сей день спорят до хрипоты: если в октябре 1917 г. в Российской Империи произошёл всего лишь дворцовый переворот (а не явил себя некий мощный исторический процесс), то как могла сия сверхдержава встать с ног на голову в течение каких-нибудь пяти лет? Ответ прост: могла. И процесс исторический был именно в той фазе, когда подобные вещи случаются, только надо помнить, что речь идёт не о процессе развития производительных сил и производственных отношений — он происходит очень медленно и постепенно, а об этногенезе фазы надлома. Этническая система в это время недостаточно жёстка, часто неустойчива, полоса свободы чересчур велика. А люди, как известно, склонны к злоупотреблению свободой. А если таковой «злоупотребитель» ещё и пассионарий? Вот и появляются такие лидеры, как Сулла, Савонаролла, Сталин ... Вот и исчезают вдруг куда-то сила и слава Османской империи, средневековой Испании, Золотой Орды, древней Македонии ...

Продолжение — в следующем номере

✠ Ещё раз о Толкине и Жюнге ✠

Доклад М. А. Филин на 2-м Большом Толкиновском Семинаре

Семинар предполагает преемственность. Поэтому лишь очень кратко вспомним наш предыдущий ликбез. Психика (человека ли, общества ли) определяется *Сознанием* (мысли) и *Подсознанием*, в котором: *Тень* (своего рода и воспоминания личности, которые ее Сознанию непереносимы, и оно их вытесняет) и *Коллективное бессознательное* (весь опыт развития человечества, т.е. Прошлое). Подсознание прорывается в Сознание в снах — в виде определенных образов (люди, звери, предметы и даже ситуации). По Юнгу эти образы, названные им *Архетипами*, — общие для всех людей и получили отображение в сказках, мифах, религиях (откуда и мы с вами их знаем), да и в символике оккультных наук. Они несут определенный символический смысл. Для современного человека характерен разрыв Сознания и Подсознания, что создает односторонность: человек живет только Сознанием. *Либидо*, жизненные силы, загнано в Подсознание. Итог: неудовлетворенность, тревога, а затем невроз. Человек не понимает ни собственных побуждений, обязанных своим возникновением Тени, ни Архетипов Коллективного бессознательного, которые приходят к нему в снах и могли бы объяснить причины его неудовлетворенности. Цель — восстановить *Самость* — единство психики, ее баланс. Для этого нужно ввести содержание Подсознания в Сознание. Это есть процесс самореализации, *индивидуация*.

В прошлый раз мы говорили, что Толкин в силу своих литературных пристрастий был настолько насыщен символами Коллективного бессознательного, что ими заполнен и созданный им фантастический мир. Эта особенность толкиновского текста воздействует непосредственно на Подсознание читателя, подобно тому, как воздействуют сказки, мифы, религии. Конечно, Толкин не писал психотерапевтическую историю болезни, но — характерно! — Архетипы, символы приходят не беспорядочно и позволяют прочертить карту души Средиземья не менее точную, чем карта Торина. Попробуем с помощью упоминавшейся уже книги О'Нейла проследить некоторые тропинки на этой карте.

Мы применим тот же прием, что и прошлый раз: некоторых персонажей и ситуации попытаемся расшифровать так, как расшифровал бы специалист по психоанализу сон: попытаемся понять их символику, их глубинный смысл. Я намеренно не буду упоминать самый, пожалуй, важный Архетип: *Anima* (представление о женщине в подсознании мужчины). Женские характеры — слабое место толкиновской мифологии. Они открыто сконструированы. За одним исключением (в свое время мы о нем вспомним). По этой же причине вся символика дается в применении к психике мужчины.

Не раз отмечалось, что сюжетное построение «Хоббита» и «Властелина колец» очень похоже. Но во «Властелине колец» все стало более серьезным, зрелым: и читатель, и герой, и его спутники, и противники, и то, что поставлено на карту. То же можно сказать и о степени насыщенности символами. Нам не удастся, как мы это сделали в «Хоббите», пройти по сюжету «туда и обратно» и проследить психическое созревание героя. Слишком много героев, слишком неоднозначны символы. Придется поочередно обращаться к отдельным сюжетным линиям и героям. Тут уж, извините, не до плавности изложения. Рассмотрим лишь несколько тем.

Вначале попытаемся поставить психотерапевтический диагноз Средиземья к началу Войны Кольца. Одна из вечных проблем — Добро и Зло. Откуда в мире Зло? Для психоаналитика Зло — итог дуальности человеческой души: Я — Тень, Свет — Тьма, Добро — Зло. В этом смысле Тень Эру — Мелькор. Это не христианский подход (тут пахнет манхейством), но Юнг и не был христианином.

Ключевые символы Арды: два Древа и Силмарилли — кристаллы, в которых живет свет. Дерево — это физический и духовный рост, преобразование: корни в земле, а ветви тянутся к небу. Кристалл упорядочен, он создает ощущение, что в «мертвой природе» тоже есть духовность. Часто в снах он означает Достижение цели, Единство, Самость. Итак, в начале мира душа Арды была едина и способна к росту. Это был идеальный мир, но Мелькор уничтожил два Древа и похитил Силмарилли. Все войны I эпохи — это попытки или следствие попыток их вернуть. Но к началу II эпохи в мире был баланс. Традиционно считается, что люди тяготеют к Солнцу, а Эльфы — к Луне. Солнце и Луна — символы, соответственно, Сознания и Подсознания. Короли Нуменора — потомки двух союзов человека и девы-эльфа. Начало истории Нуменора — единство, баланс его души. И Беды Нуменора, а позже Гондора — от постепенной утраты этого баланса. Нуменор погрузился в волны. Волны — символ коллективного бессознательного. Иными словами, Нуменор ушел в Прошлое, и душа Запада потеряла Единство, Самость.

Начало героической истории Гондора — время Последнего Союза, последнего Единства души Средиземья. Знак короля Гондора — Белое Дерево, происходящее от двух деревьев Валаров. Это для Гондора связь Прошлого и Настоящего, Сознания и Бессознательного, Увидание дерева — увядание Гондора — конец династии — пустой трон... Гондор слабеет, он погрузился в материальные заботы текущего дня. Знания он хранит, но живую связь с Прошлым утерял. Ученый знаток трав — персонаж отнюдь не второстепенный! У Толкина вообще нет второстепенных персонажей. Но о развитии невроза Гондора текст, если всмотреться в него сквозь символы психоанализа, дает много добавочных сведений. Вспомним имена первых королей. Элендил — «любящий звезды», Исилдура — Луна. Любящий Звезды — отец Солнца и Луны! Звезда же — это тоже Самость, объединение. Помните: «К Западу от Луны, к Востоку от Солнца лежит Звездная Гавань...» Во времена расцвета Гондора по обоим берегам Великой Реки были построены крепость Анариона — Башня Солнца и крепость Исилдура — Башня Луны, защищавшая Итилен — Землю Луны. В центре был Остигат, Крепость Звезд и — буквально и символически — мост. Полный баланс! В ту пору лунная (подсознательная) часть Гондора была уравновешивающим, компенсирующим фактором. Живая память о высоком Прошлом не позволяла погрязнуть в материальном мире, либидо служило укреплению жизненных сил. Но с 2002 г. Башня Луны превратилась в Ковдовскую Башню, источник угрозы. Подсознание приобрело отрицательные черты. Я занимаю оборону. Башня Солнца стала Башней Стражи. Гондор начал постепенно терять Итилен, свою связь с Прошлым. Остигат разрушен. Его рухнувшие мосты — это разрыв Сознания и подсознания Гондора, крушение его Самости, начало невроза, далекий предвестник Войны Кольца. Возникает *Маска*: Гондор не хочет видеть, как он меняется к худшему. Денетор и Боромир готовы винить Судьбу и Время, но не себя. Они хранят благородную традицию правителей, но их Тень, их Подсознание совсем не хочет возвращения короля. В этом причина гибели отца и сына.

На Севере Арнор распался на ряд королевств, часть из них попала под власть короля-козла Ангары — победила Тень.

Хоббиты у Толкина — квинтэссенция сил и слабостей современного человека. Вроде бы несущественная сценка в самом начале «Властелина колец» — в пивной: Сэм защищает волшебные сказки, Тэд, сын медника, их отвергает напрочь. Но волшебные сказки полны Архетипов Подсознания и помогают обрести единство. Тэд весь в сегодняшних заботах, Сэм же смутно ощущает односторонность, он слышит зов отвергнутых символов. Он вспоминает драконов — Архетип единства.

Итак, и люди, и хоббиты живут лишь Сознанием. Прошлое стало только прошлым для всех, кроме горстки рейнджеров, да таких исключений, как Билбо, Фродо, тот же Сэм или Фарамир.

Эльфы III эпохи, как и Энты, — связь с далеким Прошлым, с Коллективным Бессознательным. Но эльфы в Средиземье уже близки к исчезновению. Все лучше, что они содлали, не принесло удачи: Силмарилли привели к бесконечным войнам. Три кольца вот-вот упадут под власть Одного. Отчуждение Эльфов и Людей — еще один признак исчезновения единства Средиземья. Сравните отношение к Эльфам Хуррина, а ныне — Боромира или Эомера!

Вот мы и подошли к началу действия «Бластелина колец». Дверь между Сознанием и Подсознанием заперта. Где же ключ? — в снах сыновей правителя Гондора. Если перевести этот сон в прозу, то получится: «Ищи забытую связь с Прошлым, символ возрождения дома Элендила — только в этом спасение Гондора! Ищи в Доме Элронда, брата основателя династии королей Нуменора. То, что ты найдешь там — ключ к спасению от ужасов, рождающихся в Горах Тени. Там ты увидишь знак Единства, знак того, что близится исход борьбы. Но ты не поверил бы, услышав, в чьей руке будет этот знак!» А психоаналитик сказал бы так: «Твой страдания и тревоги — от односторонности. Средство от них — Самореализация. Твое Я игнорирует сигналы Подсознания, но от этого они только усиливаются. Взгляни же Теме в лицо. Помощь близка. В конце битвы твоей душа снова обретет целостность».

Теперь присмотримся к некоторым действующим лицам. Начнем с Майаров. Саурон. Его хотелось бы назвать Темью Средиземья, но он сложнее. Его аксессуары: страна Тени, т.е. Подсознание, и Отшельный Глаз, по глаз — символ Сознания! Т.е. Саурон — это все худшее, что есть и в Сознании, и в Подсознании: и темная, угрожающая Тень, и одностороннее, невротическое Сознание. У Юнга есть Архетип «Тиниственный мрачный старик» — вечный враг творчества, создания. Он сеет Зло и Разрушение. Саурон, как вампир, всасывает энергию, уменьшая силу и единство и людей, и эльфов.

Вернемся несколько назад, к тому времени, когда в Средиземье появились Истари. Почему Кирдан прежде других пошел предзнаменование Гэндальфа и именно ему отдал Кольцо Огня? Вспомним роль Кирдана. Он провожает Эльфов за море, на Запад, в страну, откуда нет возврата. Он Архетип «Водителя души», как Гермес, Алуабас, Харон. Он стоит между Жизнью и Смертью. Потому он и видит дальше других.

Но присмотримся сначала к Саруману — первому вождю Истари. Вдвоем с Гэндальфом они составляют Архетип «Враждующие братья». Саруман ради того, что он считал своим главным назначением, отверг Запад (источник творческой энергии). Он, мудрец, не понял, что предав Источника, он загубит и Назначение (это одна из любимых тем Юнга). Его цвет — белый, т.е. синтез, объединение цветов, а он взялся разъединять, и на глазах у Гэндальфа белый цвет одежды Сарумана распался на отдельные цвета! Саруман воплощает трагедию современного человека именно так, как ее видит Юнг: неумение объединить. Наша наука стремится все разложить и изучить. Вспомните пушкинского Сальери — та же проблема! Мы забываем, что целое больше суммы частей. А религия это прекращение знания. Саруман, как и современный человек, весьма ценит технику. Но обратная ли вы вина, что единственный результат бурной деятельности его мастеров — ухудшение экологии. Войска же его вооружены копьями, дуканами да палицами. Но он еще и пошлит-запугает — помните, как он соблазнил Гэндальфа дулавными политическими планами. Однако и дара завораживать словом он лишился. Толкин не любил ни технарей, ни политиков. Отрешился от творческого начала, Саруман стал бесплоден. У Юнга есть Архетип, который он назвал «Дотав». Это тоже мудрость, но мудрость темных побуждений, демонической одержимости. Саруман весь — непомерно разросшееся Я, он целиком поглощен собой, полон уверенности в своих силах. По Юнгу, у людей непомерное раздувание Сознания, идентификация самого себя с Архетипом Мудрости ведет к мании величия. Саруман, конечно, не человек и не психофреник, но, когда распался его человеческий облик, духу его — бессмертному духу Майара — нет пути на Запад, и его разнесит ветер...

О Гэндальфе можно говорить часами, такая тут глубина символики. Собственно, у Толкина три Гэндальфа. В «Хоббите» почти до самого конца — это забавный странствующий волшебник, затем он советник в Битве Пяти Армий и глава Братства кольца — озабоченный старик, способный и уставать, и колебаться, и даже поддаться обману. После Мории появляется Гэндальф Белый.

В незаконченном отрывке «Истари» есть несколько строк о Гэндальфе, представляющих почти буквальный пересказ 4-ой, 5-ой и 6-ой частей «Среда» — тех, где говорится о земной жизни Христа. И еще, религия учит, что после Воскресения тело Христа приобрело новые, высшие свойства. Что это — совпадение? — Невозможно. Но еще труднее подумать, что Толкин сознательно создал аналог Христа. Посмотрим на Гэндальфа глазами агностика Юнга. В Гэндальфе содвинуто несколько Архетипов, в первую очередь «Мудрый старец» (Знание) и «Герой». Оба они — помощники в индивидуации. Свою же индивидуацию Гэндальф прошел в пещерах Мории. Когда Братство кольца порывается сквозь Морю — это их путь сквозь Бессознательное. Мост (слово мост!) — путь к Свету. На грани Света и Тьмы Гэндальф встретил Барлога — воплощение ужасного лица Тьмы. Мост рухнул, и с ним погиб Гэндальф Серый. Оба врага погрузились в глубокие воды. У Юнга погружение в глубокое озеро всегда означает погружение в Подсознание, а затем обязательно следует подъем. Но что означают слова Гэндальфа перед схваткой: «Я слуга тайного Огня, и владею пламенем Анора!»? Анор — Солнце. Однако в толкиновском мире Солнце не обожествляется, оно и появилось-то достаточно поздно... Но Солнце — это Сознание. Погрузившись в глубины мудрости Коллективного Бессознательного, Гэндальф затем вытаскивал Тень на свет Солнца — Сознания! Вслед за долгим путем наверх следует битва под Солнцем. После этого силы Гэндальфа многократно возросли. Он полон внутреннего света. В нем словно усилились свойства Майара: способность влиять на окружающих, укрепить их дух. Он и Майар, и Человек. У Юнга существа двойной природы часто символ Единства. Гэндальф Белый — объединитель Людей и Эльфов. У него Нарья — Кольцо Огня. У алхимиков Огонь — очищение, преобразование простого вещества в благородное золото, символ энергии, а также Божественности. Так символика помогает нам уяснить роль Гэндальфа: он укрепляет сердца, поднимает дух, заряжает энергией. Он может если не предотвратить, то замедлить надвигающуюся гибель.

После победы Гэндальф помог Арагорну восстановить в Гондоре Белое Дерево. Союз Арагорна с Арвен — союз людей и эльфов — завершение индивидуации Средиземья.

Гэндальф — все лучшее, что есть и в Сознании, и в Подсознании Средиземья. Но зачем Майар стал человеком? Ведь в своем истинном облике он был бы более могущественным! А зачем стал Человеком христианский Бог? — Открыть людям Путь. Главное назначение Гэндальфа — не биться, а вести. Спаси же себя жители Средиземья, так же как и жители Земли, должны сами. После завершения индивидуации Гэндальф воплотил наивысший Архетип — «Спасителя» — тот же, что и Христос.

Теперь пора вспомнить о единственном у Толкина прекрасном женском образе.

Мы говорили о двух башнях Гондора. Но в мире Толкина есть и более глобальная симметрия.

Запад, заход Солнца	Восток, восход Луны
Белая Ледя Запада	Темный повелитель Востока
Белые облака, белые одежды	Темная туша. Черные одежды
Белая гора Фувуилос	Башня Барад-Дур
Варда смотрит на Средиземье	Саурон — сквозь Кирит Унгол
Словоз горный проход Калахариан	
Доброта, Надежда, Красота	

Ненависть, Злой Рок, Запустение

Эльфы призывают Варду для защиты. Для психотерапевта этот призыв — желание персонификации Аниты в сознании. Свет Варды спас хоббитов в Мордоре и спас Средиземье. Варду пытаются соотносить с Пресвятой Девой. Да и в песне эльфов Галдора угадывается парафраза из католической молитвы «Salve Regina». По Богоматери была одна — вторая невозможна. По Юнгу в любой религии обязательно есть женское божество, помогающее людям. Т.е. Варда — покровительница и защитница — воплощение того же Архетипа, что и Дева Мария.

В песне эльфов сверкающие кристаллы Варды названы *silivren* — слово того же корня, что и *silma* — состав, из которого Фенор сделал Силмариллы. Слова — кристалл или свет кристалла — символ совершенства, объединения, Самости. Оказывается, также, казалось бы, далекие образы, как Синие Варды, Силмариллы, Светильник Галадриэли, Арменстоун, берилл Гворфиндела, брошь Элессара, камни трех Колец, Палаитеры, Камель Эрека имеют глубокую символическую связь. Подсознательно ощущаемая читателем, она как внутренний стержень пронизывает все три книги.

ГРАНИТНЫЙ ГОРОД

(Окончание. Начало - в предыдущих номерах)

Описание Цитадели интересно сравнить с описанием замка в "Божественной комедии" Данте, в котором пребывают души праведных нехристианских мудрецов древности.

Высокий замок предо мной возник,
Семь раз обвитый стройными стенами;
Крутом бежал приветливый родник.
Мы, как землей прошли его волнами;
Сквозь семь ворот тропа вовнутрь вела;
Зеленый дуг открылся перед нами
(Dante. Inferno, IV, 106-117 (пер. М. Лозинского)).

Как видим, здесь описаны и семь стен, и путь через семь ворот, и даже родник (фонтан) и дуг (на котором в Цитадели росло Белое Дерево). Водная преграда служит символом раздела двух временных пространств, всякому преодолевавшему который кажется, что он "переправился не через реку, а через время" (ВК, ч. 2, гл. 6). Журчание фонтана среди величественных и молчаливых каменных дворцов и домов крепости подчеркивает вечность и незабываемость Цитадели.

Часть здания на территории Цитадели была построена вплотную к стенам, так что их окна выходили на другую сторону стены. В одном из таких домов и отведены были покои для Гэндальфа и Перегринна (см. рис. в "РП" № 6). Идея домов, встроенных в стены, казалась привлекательной в современной античности; так, Платон замечает, что "приятно было бы видеть город, имеющий облик единого дома" (Plat., Leg. VI, 779b (пер. А. Н. Егунова)). Подобное архитектурное решение встречается и у Т. Кампанеллы в его "Городе Солнца": "Рядом стоят дворцы, все объединенные по кругу стеной, так что можно сказать, что они все являются одним целым" (7).

Кроме того, нельзя не обратить внимание и на другие схожие моменты в описаниях Города Солнца и Минас Тирита. Начать хотя бы с названий. Первое наименование города, Минас Анор, собственно и переводится как "крепость, город Солнца". Теперь посмотрим, как описывает Т. Кампанелла свой город: "На обширной равнине возвышается высокий холм, на котором и расположена большая часть города; многочисленные же его окружности выходят далеко за подошву горы, размеры которой таковы, что город имеет в поперечнике свыше двух миль, а окружность его равна семи. А благодаря тому, что лежит он по горбу холма, площадь его больше, чем если бы он находился на равнине (7, с. 34). Карен Фонстад пишет, что ширина Минас Тирита должна превышать 3100 футов (4), то есть составляет около 6,71 мили. Далее Т. Кампанелла продолжает: "Разделяется город на семь обширных полей, или кругов, называющихся по семи планетам. Из одного круга в другой попадают по четырем мощным улицам сквозь четверо ворот, обращенных на четыре стороны света. И так, право, он выстроен, что если бы взят был приступом первый круг, то для взятия второго понадобилось бы вдвое больше усилий; а для овладения третьим - еще того больше. Итак, чтобы захватить каждый следующий, надо было бы постоянно употреблять вдвое больше усилий и труда. Таким образом, если бы кто задумал взять этот город приступом, ему пришлось бы брать его семь раз" (7, с. 34-35). Истинно, во время Войны Кольца Минас Тирит устоял, хотя Главные Ворота и были разбиты, а первый ярус был охвачен пожаром. Но, как замечает Тэйлор [1], не стены спасли Город, а его жители и еще мудрая и дальновидная политика Наместников, заключивших в свое время военный союз с роханцами.

Третья Эпоха завершилась Войной Кольца, и наступила Четвертая Эпоха "новых надежд". Хотя Барад Дур и пал, еще несколько лет было неспокойно на восточных границах Гондора, и в сопредельные страны той стороны еще неоднократно предпринимались военные походы под началом Фарамира и Имрахила. Однако Город был быстро восстановлен, и гномы Эребора сделали новые Главные Ворота из мифрила. Улицы Столицы стали вновь многолюдными - вернулись не только беженцы, покинувшие Город накануне войны, но и много новых жителей из Лебенина и Белфаласа. Главным же для всего Средиземья той эпохи стало то, что на гондорский престол вернулся Король из Династии Элендила. В Цитадели расцвело вновь обретенное Белое Дерево, а на шпилье Белой Башни как и встарь поднялось черное знамя Гондора с Белым Древом и Семью звездами.

Образ Минас Тирита оказывается ключевым в понимании всей истории Средиземья. Минас Тирит для Средиземья был тем, чем являлся Рим в младших эпохах для Европы. Поэтому самостоятельный интерес может представлять проблема значения образа Города как воплощения древнего культурного наследия, ставшего связующим звеном с современностью.

В большей степени Город понимался как латинское *civitas*, то есть отождествлялся с понятием всего государства. Действительно, образы Минас Тирита и Гондора неразрывно связаны, так что одно немислимо без другого. Узнать Город было все равно, что увидеть все Королевство. Известные нам описания Минас Тирита напоминают описания городов в современной античной литературе. Согласно сложившимся тогда традициям в изображении города важнейшее место занимали архитектурные и художественные достопримечательности, но повседневная жизнь горожан, как правило, отсутствовала (8). Город предстает монументальной в своей непостижимости эпической картиной. Для жителей Средиземья существовало как бы два образа Города: Минас Тирит был "Вечным Городом", но воспринимался он в крайней степени отстраненно, так что казался причастным более мнимому, нежели действительности.

Даже на Совете в Ривенделле Боромир восклицает: "Думается, всем присутствующим стоило бы чуть лучше знать, что там происходит" (ВК, ч. 2, гл. 2). Такое восприятие Города замечательно характеризуют слова хозяина "Резвого Поин", представившего Короля иде-то там: "Он же сидит, поди, на большом троне в огромном замке за сотни миль отсюда.." (ВК, ч. 6, гл. 7 (пер. Н. Григорьевой, В. Грушецкого)). С

возвращением Короля происходит определенная идеализация Города, подобно тому, как это происходило с Римом в средневековье: 'Былой символ земного могущества, воплощение человеческого разума, город, утвердивший свой единый порядок, законы своего правосудия... по всей земле... становится символом высшей истины на земле' (8, с. 265).

Но представления о Минас Тирите не могут быть не связаны и с понятием *urbs*, обозначающим город как место обитания со всеми проявлениями и особенностями городской жизни. Причем под этим латинским словом понимался прежде всего Рим, как место, 'где дела решаются на основе доводов разума, где благодаря защите городских стен не действует вооруженное насилие' (8, с. 245). В таком понимании Города главным становится внутреннее качества его жителей, такие как учтивость и обходительность, и их отличительные свойства, как речь, воспитанность, умение себя держать. Немаловажное значение имеет и то, что с понятием города как *urbs* связывалось его противопоставление всему прочему, негородскому — сельскому и чужестранному. Действительно, жители Города, как, впрочем, и все гондорцы, предстают по описаниям Алой Книги несколько замкнуто и обособленно. Вот первая встреча с Боромиром: 'Чуть в стороне сидел высокий темноволосый человек с открытым и благородным лицом, державшийся гордо и настроенно' (ВК, ч. 2, гл. 2). Им присуща свойственная только им особая форма поведения и речи, позволяющая безошибочно их узнавать. Так, Фродо, встретив отряд Фарамира, 'сразу подумал о Боромире: статью, речью и повадками эти люди очень походили на гондорца' (ВК, ч. 4, гл. 4). Если хоббиты представляют собой носителей типичных культурных традиций самобытного Средиземья, то гондорцы являются носителями многовековой нуменорской культуры. Весь разрыв между ними отчетливо виден в краткой сцене перед трапезой в Эннен Аннун, когда Фродо, 'вдруг почувствовав себя неотесанным невежей и деревенщиной', попал в несколько неловкую ситуацию из-за незнания обычаев (ВК, ч. 4, гл. 5). По мнению современных античных авторов, неотъемлемым свойством столичного жителя должна являться способность к иронии, свидетельствующая об интеллектуальной культуре. Фарамиру свойственна способность не только к иронии, но и к самоиронии: 'Какой поворот судьбы! Наконец-то Фарамир, полководец Гондорского войска, покажет себя на деле. Когда же, как не теперь? Ха!' (ВК, ч. 4, гл. 5). Важное значение имеет и особенность языка. Гондорцы говорили на разновидности Общего языка, употребляя, правда, несколько старомодные слова и выражения' (ВК, ч. 4, гл. 4). Гондорский вариант, на взгляд хоббитов, 'сильно отличался от Общего языка' (ВК, ч. 5, гл. 1), поскольку являлся строгой и более древней языковой формой, в то время как сами хоббиты говорили на просторечном диалекте. Здесь мы можем вспомнить, какое впечатление произвели речевые манеры Перегрина на Денетора и придворных. Таким образом, особенность гондорской речи можно рассматривать как проявление правильного столичного произношения.

Минас Тирит, будучи одним из древнейших городов Арды, был последней памятью об исчезнувшем Нуменоре, и оттого был прекраснейшим Городом Средиземья в Третью Эпоху и еще долго после того, как она канула в Лету. Город сей являл собой не только древнейший образец зодчества, ставший архетипом градостроительства, но и стал зримым воплощением 'града небесного' в 'граде земном'. Однако образ 'града небесного' складывается не из умозрительных представлений, выработанных человеческими умами и потому несовершенных, а составляется из знаний об идеальном образе общественной жизни, сохранных в преданиях о Нуменоре. Представления об идеальном устройстве общества связывались у гондорцев с прошлым. То правильно, что зыждется на истории. Прошлое здесь всегда более значимо, и к идеальному общественному устройству не нужно стремиться, оно уже было когда-то достигнуто и его нужно только сохранить. Прошлое здесь всегда более совершенно, ибо в основании всего лежат древние традиции, установленные до века Валарами. Город становится символом высшего совершенства, основанного на унаследованном знании истинного Бога.

Выражаем признательность Эрандилу за возможность пользования книгами, лично ему принадлежащими; Торину Оукеншильду за бесценные комментарии, к сожалению, еще не опубликованные; а также особую признательность Эондигу Гондорскому, без которого труд сей вряд ли состоялся бы. Слава дочитавшим до сих строк, да и пребудете Вы в милости Валаров всегда и во всем. Записано с моих слов

Денетор

ЛИТЕРАТУРА

1. Tyler J. E. A. The new Tolkien companion. - London: Macmillan London Limited, 1979. - P. 382-384, 386.
2. Косточкин В. В. Древнерусские крепости. - М.: Знание, 1970. - С. 7.
3. Торин Оукеншильд. Комментарии. - (Готовятся к публикации).
4. Karen Wynn Fonstad. The Atlas of Middle-earth: Revised Edition. - London: Harper Collins Publishers, 1991. - P. 138 - 139.
5. Толкиен Дж. Р. Р. Возвращение Государя. - М.: Радуга, 1994. - 352 с.
6. J. R. R. Tolkien. The Return of the King. - London: Harper Collins Publishers, 1993. - 561 p.
7. Кампанелла. Город Солнца: Пер. с лат. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - 227 с.
8. Городская культура. Средневековье и начало нового времени [: Сб.]/ Под ред. В. И. Рутенберга. М.: Наука, 1986. - 278 с.

Все цитаты из "Властелина Колец", кроме особо указанных, приводятся в переводе М. Каменкович и В. Каррика.

Мария Семёнова

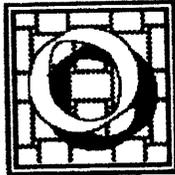
Волкодав = II

(главы из романа)

Специально для читателей «Резвого Пони»

Продолжение. Начало в № 4(7)

Сломанные крылья (продолжение)

Они больше никому не причинят зла, маленькая сестра, молча пообещав венн. Коснулся ладонью нежной, испященной синяками щеки и ненадолго задержал руку. Они больше никому не причинят зла.

Волкодав не видел Отца Мужей, кружившего в холодной синеве где-то над головой, да не очень и старался его разглядеть. Вилпы, когда хотели, великолепно умели оставаться невидимыми. Наверное, крылатый вожак парил теперь в лучах спящего солнца, держась достаточно высоко, чтобы не отбрасывать тени. Или, наоборот, опустился на каменную вершину и слился с чёрно-бурыми скалами в дымчато-белых снежных плащах... Волкодав не видел вождя, но чувствовал прикосновение его воли. Отец Мужей без труда отыскал содеявших непотребство. И теперь вёл к ним венна. Вёл безошибочно, кратчайшим путём. Волкодав двигался быстро, хотя приходилось почти всё время карабкаться вверх. Когда ему было девятнадцать лет, симураны однажды подняли его в воздух. Он тогда только вышел из каторжного подземелья и состоял из одних жил и костей, но всё равно понадобилось сопасное усилие двух могучих зверей, чтобы оторвать его от земли. Беса взрослого мужчины они выдержать не могли.

Бабушка рассказывала маленькому внуку, что самый первый симуран был обыкновенной собакой. Славный пёс преданно стерёг поля и урожайные огороды, звонким лаем прогонял в лес оленей и кабанов, охотчих до капусты и репы. Одна беда: не видел верный страж иных наград от людей, кроме ругани да сердитых пинков. Вечно путался лохматый под ногами, не ко времени совал всюду пасковый нос, и псинной от него пахло.

«Те люди не были веннами, — поучала бабушка внука. — А если и веннами, то не нашего рода».

Однажды весной неразумный народ накликал себе лихо. Ведь как от пращуров заповедано? Репу сеять должны одни женщины, да притом нагие: так они делятся с Матерью Землёй своей силой деторождения. Ибо, не дав ничего взамен, разве можно надеяться на семена и плоды?..

Так вот, в тот давний год молодые мужчины, которым положено было держаться подальше от огородов, всё же подкрались полюбоваться женской красотой. Осердился на них справедливый Бог Грозы, начал воздвигать над виноватыми головами громоносные тучи... и всё-таки сначала не дал воли своему гневу, удержал карающую золотую секиру. Но когда парни захохотали и вышли, потянулись за девками, начали затевать лукавые игры... тут уж Бог не стерпел! Грянул страшный гром, двинулся через поля и луга чудовищный вихрь!

И вот тогда-то с лесной опушки, с самой дальней пожоги подал голос Пёс. Полетел с отчаянным лаем навстречу Большому вихрю, загородил дорогу: не пропущу! Пока жив, не дам хозяев в обиду!..

И понял Хозяин Громы, что не сумеет иначе покарать бездумный народ, кроме как сперва истребив неповинного, поразив безгрешного защитника блудодеёв. И отступил гневный Бог перед смелостью преданной твари. Удовольствовался тем, что в золу и пепел сжёг праведными молниями кусты, где развесили свою одежду невмерно пихие мужчины. Пришлось им идти до деревни в чём мать родила, выслушивать ядовитые поношения.

А Пса, сумевшего остановить Его гнев, Бог Грозы приблизил к Себе. Наградил летучими крыльями и назвал Симураном. Стал Симуран летать между Землёю и Небом, стал возносить в светлый ирий молитвы и просьбы достойных людей. И верили люди: если ранней весной взмахнёт он крыльями над полем, будет поле родить, полной мерой откликнется на заботу и ласку. Он же, Симуран, стал провожать отлетевшие души, помогать на Звёздном Мосту тем, кто успел натворить в этой жизни не только добра...

«Не кричи «горе», — повторяла бабушка столетнюю веннскую мудрость. — Погоди, покада увидишь мёртвого симурана...»

Весенними ночами женщины рода распускали длинные волосы, расстёгивали створчатые браслеты, конми удерживались крылатые рукава, и водили под ясной луной священные хороводы.

Творился молитвенный таеж более душою, нежели телом. Женщины звали своих дальних сестёр — вилл. Дев-Птиц, что летели с гор на равнину, гоня над людскими посевами благодатные дождевые облака... Надённые светлым зрением иногда видели их высоко над землёй: прекрасных маленьких всадниц верхом на больших летучих змеях. Виллы умели остановить град, умерить сухой зной тёплым дождём. Только грозные тучи были им неподвластны, ибо в них являл Себя людям сам Бог Грозы.

«И ещё, — говорила бабушка, — виллы никогда не прилетают зимой, потому что зимой Светлые Боги удаляются отдыхать на Острове Жизни, а из Железных гор дышит в наш мир Морана Смерть...»

Они оказались точно такими, какими вилла дава увидела их Волкодаву. Только теперь их лица не были искажены низменным желанием и папаческим зверством. Просто шестеро мужчин. Сильных, здоровых. И, на взгляд стороннего человека, наверное, красивых. Волкодав не сумел бы найти в них никакой красоты, даже если бы постарался. Они сидели вокруг затухавшего костра, на котором готовили себе трапезу. И чему-то зарзительно, до упаду смеялись, не торопясь продолжать свой путь на юг. Похоже, они особенно никуда и не спешили.

Наёмники расположились на солнечной уютной пужайке, загороженной скалами от холодного ветра, задувавшего с близких снегов. Волкодав поднялся к ним по расселине. Подтянувшись, выбрался на луговину, встал во весь рост и, не задерживаясь и не пытаясь скрываться, пошёл прямо к костру. Шестеро не видели и не слышали, как он лез узкой каменной щелью, и заметили его, только когда он встал наверху. Идти было шагов двадцать.

Кого другого всё это лезанье и бег по горам уморили бы до дрожи в коленках. Волкодав никакой усталости не чувствовал. Может, потом она навалится многократно, однако пока была только злая готовность хорошо размятого тела.

Шестеро оглянулись, увидели его и дружно заржали. Так бывает к исходу славного веселья: покажи палец, и гости с ног валятся от хохота.

— Ещё один охотник идёт...

— Э, братцы, да никак венн припожаловали!

— Только венна нам не хватало...

Волкодав шёл вперёд. Главарь, которого он определил сразу и безошибочно, был сольвенном. Могутный широколицый мальш с рыжеватой-русой бородой и такими же волосами, полуобернувшись, взирал на него безмятежными голубыми глазами. Взгляд был отсутствующим и наивным, точно у грудного младенца. Когда смотришь в такие глаза, всегда кажется, будто они мечтательно устремлены не на тебя, а сквозь тебя или вовсе мимо. И видят там нечто доступное только им, какой-то свой мир.

Наверное, кого-то это обманывало. Наверное, кому-то сольвенн казался добродушным богатырём, смахивающим на ручного медведя. Небось, нравился девкам. Волкодав знал, каким отразился он в зрачках той, которую первым швырнул в бездну боли, ужаса и унижения.

Предводители воинов не бывают глупцами. Не был глупцом и сольвенн. Он, конечно, сразу сообразил, что незваный пришелец завернул на огонёк не случайно. Да Волкодав свои намерения не слишком и скрывал. Он шёл так, как к дружескому костру обычно не ходят. А ещё предводители воинов бывают осмотрительны и осторожны. И потому главарь, не торопясь хватаясь за ножны, на всякий случай окликнул подхолившего венна:

— К нам идёшь, удалец, или мимо ноги несут?

Волкодав молча остановился в десятке шагов. Вытянул перед собой руку, и дуновение ветра покачнуло забубенный от крови клочок белой шерстяной ткани. Признали они или нет обрывок плаща, но утреннее происшествие вспомнилось всем. Одним сразу, другим чуть погодя, с некоторым усилием. У таких, как они, чужое страдание в памяти не задерживается.

Свободная ладонь Волкодава без большой спешки потянулась за плечо, легла на серебряную рукоять, и меч с тихим шипением выполз вон из кожаных ножен. Два с лишним года Волкодав вытаскивал его только затем, чтобы не отвыкала рука.

— Что, венн, обижаетесь, — не поделились девчонкой? — хмыкнул главарь. Волкодав никак не отозвался на оскорбление, хоть и были эти слова едва ли не худшим, что мог услышать о себе мужчина его племени. Он бросил тряпочку и сомкнул обе руки на рукояти. А потом снова пошёл вперёд. Не очень быстро, но так, что сделалось ясно: вскакивай и защищайся, не то зарубит сидящими.

Шестеро и вскочили все разом, с руганью хватаясь за ножны. Чуть-чуть зазевался только один молодой парень, сольвенн, зная, большого опыта не было.

— Тихо! — перекрывая гвалт, рявкнул предводитель. — Один управлюсь, без вас! Он вытащил длинный, добротный меч (на лезвии мелькнуло знакомое клеймо гапирадского мастера), отступил и отбросил опустевшие ножны. Волкд, он на то и вождь, чтобы защищать свой отряд и первым встречать любую угрозу. Волкодав, впрочем, подозревал, что наёмник успел по достоинству оценить великолепный древний клинок, поблёскивавший у него в руках. И вознамерился сам им завладеть.

Венн очень не любил нападать первым. Кроме прочего, ещё и потому, что нападающий волей-неволей обнаруживает свои сильные и слабые стороны и даёт сопернику преимущество.

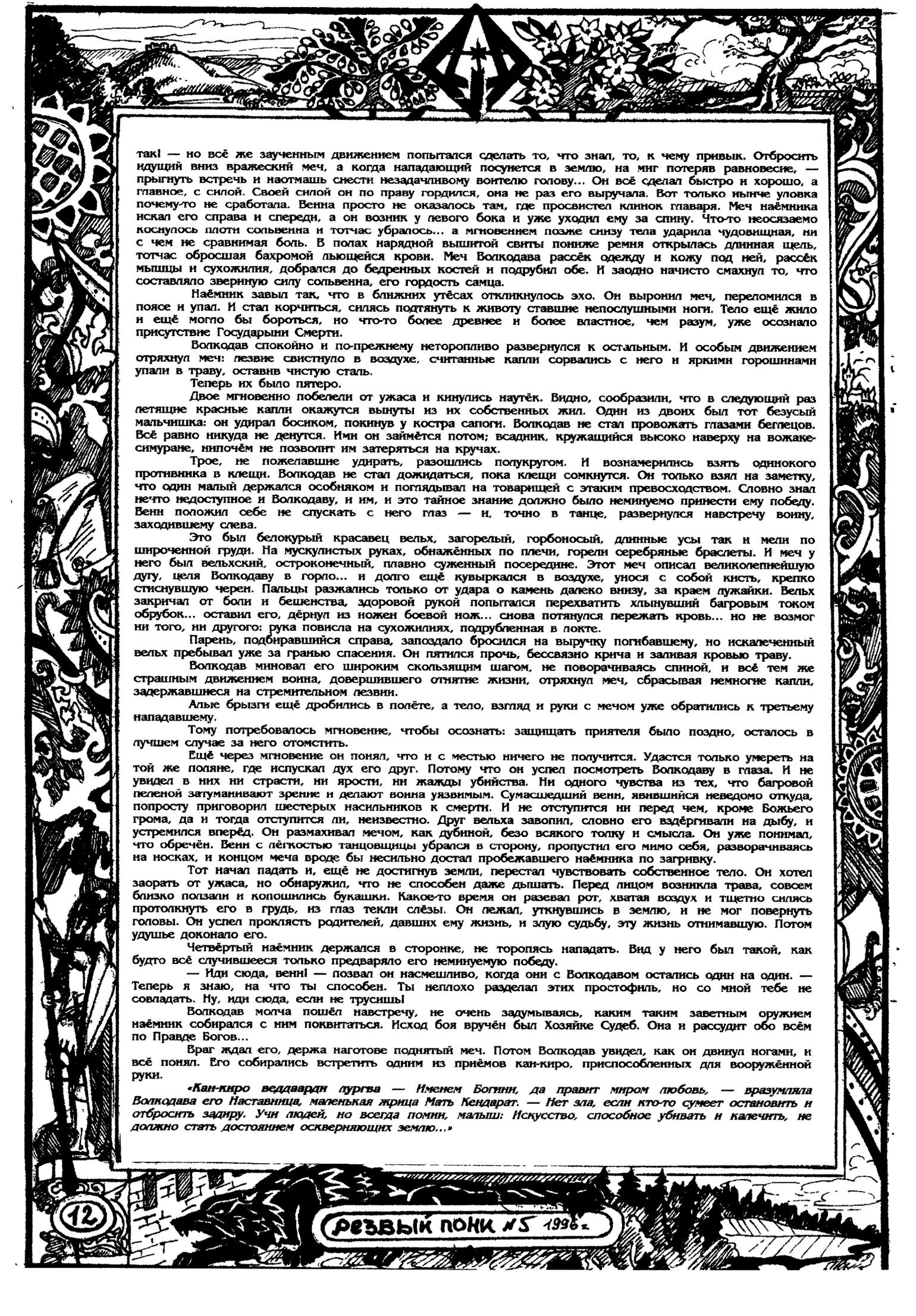
Если, конечно, тот в достаточной степени мастер, чтобы ими воспользоваться...

— В кучку я таких складывал!

Главарь наёмников устремился вперёд. Он мастером не был. Мастаком — да, пожалуй. Иначе эти люди навряд ли стали бы его слушаться. Но мастером — ни в коем случае. Уже потому, что в каждом мече, даже плохоньком, живёт мера божественного Огня. А она никогда не станет охотно повиноваться злодею...

То есть таких складных мыслей Волкодаву на ум не приходило. Он вообще ни о чём особо не думал. Он даже не испытывал гнева. Его чувства вбирали свежий холодок близких снегов, солнечное тепло, запахи молодых трав и дымок курившегося костра. Он был частью этой вселенной, ему сообщалось тысячелетнее спокойствие моря и гор. А вот они здесь были чужими, словно созревший нарыв. Эти люди сеяли зло, и зло следовало пресечь. Вместе с нитями их судеб. Всё. Остальное не имело значения. Так при чём же тут гнев? Или такая мелочь, как страх за свою жизнь?..

Спящий луч отразился в узорчатом буро-серебристом клинке. Волкодав вроде неторопливо шагнул навстречу... и вдруг оказался совсем рядом с наёмником. Сольвенн смутно понял, — что-то не

так! — но всё же заученным движением попытался сделать то, что знал, то, к чему привык. Отбросить идущий вниз вражеский меч, а когда нападающий посуется в землю, на миг потеряв равновесие, — прыгнуть встречь и наотмашь снести незадачливому вонтелю голову... Он всё сделал быстро и хорошо, а главное, с силой. Своей силой он по праву гордился, она не раз его выручала. Вот только нынче уловка почему-то не сработала. Вена просто не оказалась там, где просвистел клинок главаря. Меч наёмника искал его справа и спереди, а он возник у левого бока и уже уходил ему за спину. Что-то неосознано коснулось плоти сольвенна и тотчас убралось... а мгновением позже снизу тела ударила чудовищная, ни с чем не сравнимая боль. В полах нарядной вышитой свиты пониже ремня открылась длинная щель, тотчас обросшая бахромой льющейся крови. Меч Волкодава рассёк одежду и кожу под ней, рассёк мышцы и сухожилия, добрался до бедренных костей и подрубил обе. И заодно начисто смахнул то, что составляло звериную силу сольвенна, его гордость самца.

Наёмник завыл так, что в ближних утёсах откликнулось эхо. Он выронил меч, переломился в поясе и упал. И стал корчиться, сляясь подтянуть к животу ставшие непослушными ноги. Тело ещё жило и ещё могло бы бороться, но что-то более древнее и более властное, чем разум, уже осознано присутствии Государыни Смерти.

Волкодав спокойно и по-прежнему неторопливо развернулся к остальным. И особым движением отряхнул меч: лезвие свистнуло в воздухе, считанные капли сорвались с него и яркими горошинками упали в траву, оставив чистую сталь.

Теперь их было пятеро.

Двое мгновенно побелели от ужаса и кинулись наутёк. Видно, сообразили, что в следующий раз летящие красные капли окажутся вынуты из их собственных жил. Один из двоих был тот безусый мальчишка: он удирал босиком, покинув у костра сапоги. Волкодав не стал провожать глазами беглецов. Всё равно никуда не денутся. Им он займётся потом; всадник, кружащийся высоко наверху на вожаке-симуране, нипочём не позволит им затеряться на кручах.

Трое, не пожелавшие удирать, разошлись полукругом. И вознамерились взять одинокого противника в клещи. Волкодав не стал дожидаться, пока клещи сомкнутся. Он только взял на заметку, что один малый держался особняком и поглядывал на товарищей с таким превосходством. Словно знал нечто недоступное и Волкодаву, и им, и это тайное знание должно было неминуемо принести ему победу. Вени положил себе не спускать с него глаз — и, точно в танце, развернулся навстречу воину, заходившему слева.

Это был белокурый красавец вельх, загорелый, горбоносый, длинные усы так и мели по широченной груди. На мускулистых руках, обнажённых по плечи, горели серебряные браслеты. И меч у него был вельхский, остроконечный, плавно суженный посередине. Этот меч описал великолепнейшую дугу, целя Волкодаву в горло... и долго ещё кувыркался в воздухе, унося с собой кисть, крепко стиснувшую черен. Пальцы разжались только от удара о камень внизу, за краем лужайки. Вельх закричал от боли и бешенства, здоровой рукой попытался перехватить хлынувший багровым током обрубок... оставил его, дёрнул из ножен боевой нож... снова потянулся пережать кровь... но не возмог ни того, ни другого: рука повисла на сухожилиях, подрубленная в локте.

Парень, подбравшийся справа, запоздало бросился на выручку погибавшему, но искалеченный вельх пребывал уже за гранью спасения. Он пытался прочь, бессвязно крича и заливая кровью траву.

Волкодав миновал его широким скользким шагом, не поворачиваясь спиной, и всё тем же страшным движением воина, довершившего отнятые жизни, отряхнул меч, сбрасывая немногие капли, задержавшиеся на стремительном лезвии.

Алые брызги ещё дробились в полёте, а тело, взгляд и руки с мечом уже обратились к третьему нападавшему.

Тому потребовалось мгновение, чтобы осознать: защищать приятеля было поздно, осталось в лучшем случае за него отомстить.

Ещё через мгновение он понял, что и с мезью ничего не получится. Удастся только умереть на той же поляне, где испускал дух его друг. Потому что он успел посмотреть Волкодаву в глаза. И не увидел в них ни страсти, ни ярости, ни жажды убийства. Ни одного чувства из тех, что багровой пеленой загуманивают зрение и делают воина уязвимым. Сумасшедший вени, явившийся неведомо откуда, попросту приговорил шестерых насильников к смерти. И не отступится ни перед чем, кроме Божьего грома, да и тогда отступится ли, неизвестно. Друг вельха завопил, словно его вздёргивали на дыбу, и устремился вперёд. Он размахивал мечом, как дубиной, безо всякого толку и смысла. Он уже понимал, что обречён. Вени с лёгкостью танцовщицы убрался в сторону, пропустил его мимо себя, разворачиваясь на носках, и концом меча вроде бы несильно достал пробежавшего наёмника по загривку.

Тот начал падать и, ещё не достигнув земли, перестал чувствовать собственное тело. Он хотел заорать от ужаса, но обнаружил, что не способен даже дышать. Перед лицом возникла трава, совсем близко ползали и копошились букашки. Какое-то время он разевал рот, хватая воздух и тщетно сляясь протолкнуть его в грудь, из глаз текли слёзы. Он лежал, уткнувшись в землю, и не мог повернуть головы. Он успел проклясть родителей, давших ему жизнь, и злую судьбу, эту жизнь отнимающую. Потом удушье dokonало его.

Четвёртый наёмник держался в сторонке, не торопясь нападать. Вид у него был такой, как будто всё случившееся только предвляло его неминуемую победу.

— Иди сюда, вени! — позвал он насмешливо, когда они с Волкодавом остались один на один. — Теперь я знаю, на что ты способен. Ты неплохо разделал этих простофиль, но со мной тебе не совладать. Ну, иди сюда, если не трусишь!

Волкодав молча пошёл навстречу, не очень задумываясь, каким таким заветным оружием наёмник собирался с ним покататься. Исход боя вручён был Хозяйке Судеб. Она и рассудит обо всём по Правде Богов...

Враг ждал его, держа наготове поднятый меч. Потом Волкодав увидел, как он двинул ногами, и всё понял. Его собиравшись встретить одним из приёмов кан-киро, приспособленных для вооружённой руки.

«Кан-киро веддаварди пургва — Именем Богини, да правит миром любовь, — вразумляла Волкодава его Наставница, маленькая жрица Мать Кеңдарат. — Нет зла, если кто-то сумеет остановить и отбросить задиру. Учи людей, но всегда помни, малыш: Искусство, способное убивать и калечить, не должно стать достоянием оскверняющих землю...»

Узорчатый меч запел свою грозную песнь, рассекая прозрачные струи горного воздуха. Чужой клинок взметнулся навстречу... Как всё в кан-киро, этот приём был смертоносен и неодолим, но только если всё исполнено правильно. Наёмник же сразу наделал ошибок. Шагнув недостаточно широко, слишком рано начал вскидывать руки, да ещё и принялся ловить вражеский меч. Волкодав мог бы поклесться, что самоуверенный мальчиш ни разу не пробовал «пососа на перекате» в безжалостной схватке, — только в потешной, когда за неловкость платят самое большее синяком. В настоящем бою цену спрашивают иную. Волкодав проломил его оборону, точно соломенную плетёнку. Его меч прошёл мимо дохматой головы парня, скользнул ниже и высвободился, раскрыв грудную кость. Наёмник запрокинулся и стал падать — молча и неукложе, выпучив стекленеющие глаза. Было видно, как в распоротой груди последний раз трепыхнулось и замерло сердце. В памяти Волкодава опыло свечным огарком и погасло отражение ещё одного лица, искажённого торжествующей похотью. Венн сбросил с меча кровь четвертого наёмника и огляделся.

На поляне было тихо. Два тела, вельх и гаварь, ещё трепетали последними остатками жизни, но скоро замрут и они. И никакой лекарь их уже не спасёт. Даже если милосердно склонится над ними прямо сейчас.

Как бы ты поступила с ними, Кан-Кендарат?.. Неужели пыталась бы достучаться, надеясь, что осознают непотребство прожитой жизни и захотят её изменить?.. Неужели сочла бы, что им ещё следует жить?.. После того, что они сотворили над чужой беспомощной жизнью?..

Волкодав отошёл в незагоптаный угол поляны, тщательно вытер меч пучком чистой травы, потом насухо тряпкой. От рукояти до кончика струились, переплетаясь, косматые солнца неповторимого внутреннего узора. Меч, стоивший гораздо больше своего веса в золоте, достался Волкодаву в бою. Вернее, сам перешёл к нему, бросив разбойника, не по праву владевшего им несколько лет. И пообещал, явившись во сне, что не покинет его, пока венн будет достоин им обладать...

Ну что, Солнечный Пламень? — мысленно обратился к мечу Волкодав. Не надумал ещё оставить меня?..

Имя меча пришло совсем недавно, когда они жили в Добром Мире и уже собирались сюда. Волкодав его не придумывал. Просто открыл однажды утром глаза, и первым, что явилось на ум, были именно эти слова. Никаких сновидений венн припомнить не смог и про себя решил, что меч сам шепнул ему своё имя. Значит, полностью уверился в нём и надумал быть с ним ещё долго. Обидно было бы после этого его оскорбить в самом начале дальнего странствия. Да. Случись заново прожить нынешний день, Волкодав не изменил бы ни одного своего поступка. Ни одного.

Он спрятал Солнечный Пламень в ножны, висевшие за правым плечом, и двинулся в сторону скал, покидая поляну. В живых оставалось ещё двое наёмников.

Один из беглецов, мальчишка, ровесник Асгвайра, даже не успел отрастить какие следует усы. Жуткая расправа, которую пришлый венн учинил над многоопытным гаварём, непобедимым кумиром юнца, потрясла его до мокрого пятна на штанах. Убежал он далеко. Зрением Отца Мужей Волкодав видел его, скорчившегося среди валунов над краем непомерного, в сотни сажень высотой, голого каменного обрыва. Стена Великанов — вот как назывался этот обрыв. Ужас загал мальчишку в тупик, выбраться из которого можно было, только вернувшись. На это беглец не отваживался. Он просидит там до завтра, трепеща и надеясь, что никто не найдёт. Волкодав решил сперва заняться вторым, тем более, что тот устроился ближе.

Этот второй одолел свой испуг в двух стрелищах от места сражения. Он, видно, сообразил, что бой, начавшийся так странно и страшно, закончится отнюдь не победой наёмников. А может, он даже рассчитывал, отсидевшись, вернуться и поискать, не останется ли на пожнву какого имущества. Отец Мужей и Волкодав почти одновременно разглядели его в густой чаще шиповника. Коренастый сольвенн облюбовал удобный каменный карниз, растянулся на животе и приготовил заряженный самострел: поди подойди...

Достать его, затаившегося там в одиночку, можно было тридцатью тремя способами. Незаметно обойти засаду и сверху прыгнуть на плечи стрелку. Подкрасться сбоку и закидать камнями, выгоняя вон из укрытия...

Волкодав пошёл прямо к кустам, не прячась и не петляя. Посмотрим, каков стрелок этот сольвенн. И особенно как он будет взводить после выстрела тетиву, лёжа в чаще цепких кустов. Волкодаву случилось видеть, как иные стрельцы в таких случаях бросали оружие и, струсив, пускались бежать. Тут забойшься, если тот, в кого целишься, спокойно идёт на тебя. И смотрит в глаза.

Продолжение — в следующем номере

© М. Семёнова, 1996. Перепечатка отрывков и материала в целом запрещена.

С.М.Печкин

Общество Российско-Эльфийской Дружбы «Херен Элендиллон»,
его задачи и направления деятельности,
фрагменты базовой концепции и некоторые разработки
(Доклад на 2-м Большом Толкиновском Семинаре)

Общество Российско-Эльфийской Дружбы «Херен Элендиллон» (ХЭ) основано в 1993 году и является неформальным и добровольным объединением людей с целью совместного ведения научной, творческой, культурной и других видов деятельности под общей координацией, и использованием общих банков информации и мощностей. Целью ХЭ является посильное фундаментальное сближение мира эльфов и мира людей, взаимодействие их на благо обоих миров, разработка принципиальных основ сосуществования их. Эта цель диктует и методику работы, каковой является накопление, анализ, корректировка, координация и систематизация информации, на основе которой в дальнейшем будут проводиться практические мероприятия, часть которых осуществляется уже сейчас. Это программы поиска эльфов и следов их деятельности, разработка психологических, философских, теософических, филологических и иных базисов для контактов с ними. Важнейшим направлением деятельности является изучение, внедрение и освоение эльфийской и эльфийской психологии, поскольку из базовой доктрины ХЭ вытекает, что именно психология эльфа может привести нас к нему. Среди направлений деятельности ХЭ также всемерная пропаганда и популяризация верного знания и понимания мира эльфов, развитие эльфийской культуры. Разумеется, по мере развития нашего понимания того, чем и как мы занимаемся, происходит постепенное приращение доли практики и практических программ в деятельности ХЭ.

Единственным условием вступления в ХЭ является согласие с принципами его работы и минимальное согласие с базовыми концепциями, которые поддерживает ХЭ. Концепции эти суть таковы:

1. Недоказуемость несуществования эльфов и их мира. Мы не спорим о том, реален ли их, а равно и наш мир; мы исходим из их равновозможности. Исходя из этого, мы стараемся узнать, какими они могут быть, или каковы они есть, что, в сущности, одно и то же. Не столь важно, как именно мы воспринимаем эльфов, то есть, грубо говоря, за кого мы их принимаем. Для одних из нас они принадлежат к мифологии, для других являются этической и эстетической программой, третьи считают их вполне биологическими существами, четвертые — лишь художественным символом или метафорой. Это ничуть не мешает нам вести совместную работу и поддерживать плодотворный диалог между собой.

2. Недопустимость примитивного и легкомысленного отношения к эльфам и их миру. Легкомысленное, хищническое, потребительское или индифферентное отношение к проблемам взаимодействия с мирами коренных народов людей — индейцев, народов Крайнего Севера, даже таких внешне благополучных народов, как русский — считается преступным. Почему же к Миру Эльфов должны применяться другие мерки?

3. Взаимная необходимость контакта Миров Эльфов и Людей. Ни для кого не секрет, что техническая революция человечества, вызвавшая его разрыв с Миром Эльфов, грозит всей планете экологической катастрофой. Не менее страшной, хотя и менее очевидной, нам представляется перспектива катастрофы психической, духовного коллапса человечества, которая уже сейчас легко воплощает в жизнь самые впечатляющие кошмары самых мрачных ее пророков. Ничто не дает нам оснований предполагать, что в Мире Эльфов происходит аналогичная, хотя и противоположная, быть может, природы, катастрофа: «*Наши миры нужны друг другу. Они слишком далеко разошлись, и оба страдают от этого. Их разделение создает дисгармонию, которая отражается на каждом из них. Ваш мир становится все более и более расплывчатым и упорядоченным; скоро он совсем потеряет способность к воображению, к очарованию, к радости, не имеющей другой причины, кроме той, что ты видишь чудо того мира, в котором тебе посчастливилось жить. Скоро ваш мир станет таким скучным и серым, что вы уничтожите его сами, слепотой и невежеством. А наш мир становится слишком слаб. Волшебство вырывается из под контроля. Все, что можно вообразить, уже есть, и, если его пустить на самотек, он просто распадется в хаос. Ваш мир становится темным, а в моем слишком много света, столько, что он скоро поглотит нас. У нас обоих — и у вас, и у нас, есть свои узелки в душах, которые нужно развязать, и это можно сделать только, снова сблизив наши миры.*» (Ч. де Линт, «*Маленькая Страна*»)

Движение навстречу друг другу необходимо. Два Мира отображают два полушария человеческого мозга, логическое и эмоциональное мышление. Человек, у которого одно из них угнетено, неполноценен. Именно эта тяга к воссоединению, к восстановлению недостающей части и вводит нас извечно людей в Мир Эльфов и — совершенно логично предположить — наоборот.

4. Психология Эльфов не идентична психологии людей. Склад их ума и душевное строение совсем не такое, как у нас. Поэтому, если кто-то из людей говорит, что понимает эльфов, разбирается в них и может сказать, как эльф поступит в том или ином случае или почему он поступил так в каком-то другом, у нас нет никаких оснований считать его слова истиной. Мы можем верить ему, но не обязаны. Судить об эльфах можно только по объективным хроникам их дел и описаниям стороннего наблюдателя. Такими документами, например, являются «Хоббит» — сочинение достаточно индифферентное по отношению к эльфам, «Сильмариллон» — книга, которую можно было бы считать вполне беспристрастной по отношению именно к психологии эльфов, хотя и изрядно антропоморфной на самом деле, и английские или русские, скажем, сказки, в которых отношение к эльфам настолько амбивалентное, что весьма похоже на правду. Вот то, что мы называем верным знанием и пониманием эльфов — не слепое их обожание и не столь же слепая, сколь бессмысленная и глупая — не глупо ли

ненавидеть собственное гармоническое дополнение? — зависть и ненависть к ним, а зрячее понимание того, что они не такие, как мы, так же, как и мы не такие, как они, но что мы нужны друг другу.

Сейчас я расскажу о некоторых разработках ХЭ, опубликовать которые настало время. Среди разработок, которые не будут упомянуты здесь, труды «Эльфы и христианство», «Эльфы и буддизм», «Эльфы и утописты конца XX века», «Эльфистика в современной и ультрасовременной культуре Запада и Незапада», «Эльфы и психопатология»; «Русский Начальный курс Квенья», второе издание которого уже, вероятно, имеется у многих, и β-версия третьего готовится к выходу ко дню рождения Профессора; перевод «*Unfinished Tales*», который, вероятно, появится к Импобку 1996 г., и книг Чарльза де Линга, очень тонкого и сведущего фантаста, музыканта и эльфиста «Маленькая Страна», «*Миры грез*» и уже сделанный, но не опубликованный по не зависящим от нас причинам перевод повести «*Джек — Победитель Великанов*», в которых можно найти много очень дельных и необходимых мыслей и концепций. В 1996 г. ХЭ также собирается вступить во Всемирный Институт Развития Человека, развернуть в сотрудничестве с «Зелеными Бригадами» программы по охране культурной окружающей среды, возможно — устроить фестиваль эльфистической культуры и принять участие в ряде ролевых игр на местности с целью изучения и отработки элементов прикладной эльфийской психотехники.

1. Единая концепция мироздания по ХЭ.

ХЭ считает, что мы имеем основания предположить — а точнее, как и во всем, что мы делаем, не имеем оснований не предположить, что мир был создан и развивался далее именно так, как это описано у Дж.Р.Р.Толкина. Сначала был Эру, который в Арде, которой еще не было, еще не звался Илуватаром, тем более, что и отцом ничего он еще не был. Потом он создал Айнуров, потом с ними предвел всю будущую историю Эа и Арды, потом создал Эа, потом Арду, а потом отправил Баларов разрабатывать ее согласно предмету. Потом появились эльфы, гномы, люди и энты — существа, которым Илуватар даровал дух и/или жизнь. Потом пронесли Три Эпохи Эльфийского Мира и началась Четвертая, на которой наш рассказ обрывается. Что было дальше? Земля уже была круглой, и Валинор уже был отделен от нее, но между той Землей, которую мы знаем издревле, и Ардой еще была огромная разница.

Предполагается, что разница эта была устранена в результате катаклизма с прямым вмешательством Эру — вспомните, ведь по ходу Айнулиндаэ Эру трижды вмешивается в сотворение музыки напрямую, два раза — задав две темы, а третий раз — оборвав музыку. Так же, как и в случае Акаллабета, но еще более мощно, изменились очертания материков и морей, пропали или коренным образом изменились целые народы и виды животных, и, кроме того, произошли радикальные изменения в психике и сознании оставшихся в живых людей. Очнувшись, они не помнили, что совсем недавно жили в Арде и в Средиземье. Они оказались на Земле.

По времени Арды это было в момент окончания 4+n, где n — натуральное или ноль, эпохи. По времени Земли мы не можем сказать, когда все это случилось. Как, быть может, сказал Бертран Рассел в 1921 году в своем трактате «*The Analysis Of Mind*», наша планета могла быть создана всего несколько минут назад, но человечество, населяющее ее, помнит свое воображаемое прошлое.

— Но как же так? — возразите вы. — Как же я мог ходить в школу десять лет назад, если десять лет назад еще не было Земли? Если Ленин не уехал в Финляндию на паровозе № 293, откуда же этот паровоз взялся на Финляндском вокзале? Откуда взялись те следы прошлого Земли, которые, казалось бы, неопровержимо доказывают, что Арагорн — это миф и вымысел, а, скажем, Александр Невский — реальность?

Для Эру нет ничего невозможного. Джон Стюарт Милль в своей «*Логике*», сочинении о законе причинности, доказывает, что состояние Вселенной в любой момент времени является следствием ее состояния в предыдущий момент, и, следовательно, бесконечному разуму, способному представить себе, как фантазировал Лаплас, состояние Вселенной как функцию по времени от бесконечного числа аргументов, достаточно одного момента, чтобы представить себе Вселенную в любой другой момент прошлого или будущего. Милль допускает, что в будущем возможно вмешательство извне, прерывающее поступательное движение времени, но оно не отменяет правильности предыдущего высказывания. Если есть а, есть какое-либо г, и из него следует в, то из в со всей неумолимостью математической индукции следует t и так далее до z; но в точке t история Вселенной могла прекратиться, допустим, Концом Света.

Зоолог Генри Филипп Госс в 1857 году в своем сочинении «*Омфалос. Попытка развязать геологический узел*», развивает эту мысль дальше в нужном нам направлении. Он представляет время не просто как каузальное и бесконечное, а как строжайше каузальное и бесконечное, но имевшее начало. Из состояния p неминуемо произойдет состояние u, но перед u, где-нибудь в v, может произойти Страшный Суд. Равным образом, состояние p неизбежно и неминуемо предполагает состояние k, но состояния k не было, потому что мир был создан где-нибудь в n или m.

В нашем случае мы говорим, что в какой-то точке произошло Большое Превращение Арды в Землю и Эа в наблюдаемую нами Вселенную, причем новорожденный мир получил вместе с собой полный багаж своего несуществовавшего прошлого, со всеми костями его динозавров, кострами инквизиторов, шашками Наполеонов, паровозами Ленинных и дипломами о получении среднего образования всех здесь присутствующих. Что из этого уже было на самом деле, а что только изображает из себя таковое, мы сказать не можем, поскольку для этого нам нужно знать, каким именно годом от Рождества Христова фактически закончилась 4+n-ная Эпоха Арды. Это задача хотя и сложная, но не столь уж важная.

Забавно, но вполне возможно, что и сами книги Толкина существуют, но совершенно не были написаны им. Если превращение мира случилось, скажем, в прошлую пятницу, то Толкин просто не мог их написать. Они появились сами собой, как Эа, от Илуватара. Равным образом, если мир был создан вчера, то я не писал большей части этого доклада, не говоря уже о вынашивании множества мыслей из него. Я лишь помню, что я это делал, но это не доказательство.

→ Окончание — в следующем номере ←

З

авершаем публикацию
начатого в предыдущих
номерах интервью с
Ч.Д.Перумовым.

Д.: Теперь я хотел бы спросить о различиях между изданиями "КТ". Есть какие-нибудь расхождения между "Нисхождением тьмы" и "Северо-Западным" изданием?

Н.П.: Знаете, особых расхождений нет. Первое издание было самое полное — и, возможно, эта полнота ему вредит. Там включены эпизоды, которые писались только от того, что их просто хотелось написать. Я не думал о структуре, не думал о читательском восприятии. Я писал просто то, что мне нравилось. Придумывались эпизоды, которые были совершенно висящими, совершенно оборванными. Они так и оставались — просто какая-то завитушка, описание какого-то момента из жизни Фолко, Торина и т.д. Потом они были сокращены. Но все равно, даже в этой книге (указывает на "Северо-Запад") было очень много лишнего. Поэтому третье издание наиболее адекватно — оно было сокращено еще больше. Были сокращены ненужные, лишние, затянутые сцены. Я считаю, что читать ее стало лучше. Вот Кристофер тоже опубликовал огромное количество черновиков к "Властелину колец". И я считаю, что то, что не вошло в книгу, не вошло туда оправданно.

Д.: Ну, а вот существует мнение, что бытовые сцены у вас были списаны с Иванова...

Н.П.: Это обвинение мне хорошо известно. Выдумал его некий господин Алексей Княйтос...

Д.: ...по прозвищу Посадник...

Н.П.: Да, по прозвищу Посадник. Он обвинил меня в плагиате с "Иненны", за что вынужден был потом публично извиниться. То, что Валентин Иванов оказал на меня значительное влияние — об этом я говорю совершенно открыто. Это великий писатель, не открытый до конца, как-то совершенно незаслуженно отставленный в сторону, а роман "Русь Изначальная" я считаю одной из вершин русской литературы двадцатого века. Со мной, может быть, не согласятся, но при образном строе, при ритмике его речи и его слоге им можно только восхищаться, а глава "Закат Италии" оказала на меня сильное эмоциональное воздействие.

Теперь о том, что списано. Разумеется, есть — вот место, где гномы говорят: "Железо капите", собирался пытать орка. Это то, что называется ... ну, во-первых, я не идеализирую гномов, в походных условиях это самая милая пытка — раскалить железный прут и пытать. Я не говорю, что герои у меня идеальные и в белых ризах — да, они жестокие и руки у них отнюдь не чистые... Есть, значит, похожая сцена в "Руси Изначальной". Я не считаю это прямым заимствованием — что же, всюду, где пытают каленым железом, списано с Иванова?! Теперь, что касается битв, то тут я с этим обвинением не соглашусь — нужно говорить так: "параллельные места". Когда речь идет о плагиате, нужно задавать так вопрос: "Вот, у вас на странице такой-то есть фраза, которая дословно повторяет такую-то фразу такого-то на странице такой-то". Вот тогда я, посылав голову пелом, скажу, что это выскочило у меня подсознательно. Есть такой факт, действительно, у всех пишущих людей — называется "подсознательное цитирование". Оно особенно часто вылезает у наших фантастов, воспитанных на Стругацких. Бывает, вот выскочила у человека фраза, читаешь — да ведь это у Стругацких было! Спрашиваешь его, он хватается за голову и кричит: "Ай-ай-ай!" Вот само идет! Эти фразы настолько сильно в вас врастают...

В.О.: Многие, с кем я общался, жаловались на излишние затянутые военные сцены. Вытвар отводит-ся около 900 страниц — становится просто скучно.

Н.П.: Ну, тут нужно опять сказать, что "Кольцо тьмы" писалось опять же не для публикации изначально. Что же касается затянутости военных сцен — это вопрос опять же вкуса: кому-то так показалось, кому-то так не показалось. То, что кому-то так показалось — это, конечно, прискорбно. Но я тут, пожалуй... даже ничего не могу сказать.

В.О.: Я провел опрос на лотках — как берут вашу новую книгу. "Кольцо тьмы" берут не очень хорошо. "Адамант Хенны" раскупается быстро. Чем вы это объясняете?

Н.П.: Я объясняю это тем, что "Кольцо тьмы" было издано огромным тиражом. Было два издания по сто тысяч, прошло два года — естественно, что у всех эта книга есть.

В.О.: И народу интересно прочитать, что было дальше.

Н.П.: Да, конечно. Можно сказать, что "Адамант Хенны" имел успех, и сейчас готовится второе издание.

Д.: Еще о расхождении между вторым и третьим изданием. У вас в издании "Азбука" вырезаны все фразы на различных языках. Была, помнится, такая фраза Малыша: "Дер то барукан", и даже такой безобидный "ропштайн" тоже оттуда выкинули. А в "Адаманте Хенны" все же возникают фразы на харадском наречии, и даже, по-моему, на Темном.

Н.П.: Что касается фразы на Темном наречии — такая фраза действительно существует. Здесь проведено действительно серьезное исследование, реконструкция Темного наречия, проведенная на Западе. А что касается харадского языка — тут я позволил себе небольшой лингвистический эксперимент. Что же касается фразы, выкинутой из "Кольца тьмы" — тут я подумал, что с моей стороны, в сущности, неправомерно говорить за гномов. Тем более, что они у меня все время подчеркивают тайну наречия — а тут в присутствии чужого... Я решил, что все-таки нет — не станут гномы говорить на своем тайном языке. А "ропштайн" был выкинут потому, что изначально это была хохма. Ну, и многим это не понравилось.

В.О.: Вам больше нравится "Северо-Западное" издание "Кольца тьмы" или все же последнее?

Н.П.: Мне нравится все-таки больше последнее — оно почище. Я знаю многих людей, которые жаловались на затянутость первого тома, на провисание его...

В.О.: Вы говорили, что в "Адаманте Хенны" будет очень много стихов, будет что-то вроде бардовской песни и т.д.

Н.П.: Это все было признано мной непригодным к публикации. Я достаточно критично подошел к имеющимся материалам, и "Адамант Хенны" в общем-то был сокращен очень сильно.

В.О.: Многие же ожидали две книги — "Адамант Хенны" и рекламировавшееся "Небо Валнора".

Н.П.: Да, если вы посмотрите на "Адамант Хенны", то вы увидите, что первая часть там медленная, подробная, со множеством деталей, затем все быстрее, быстрее и затем переходит к чисто фрагментарному повествованию — описаны только узлы, как у Солженицына. Этот прием применен сознательно, он называется "водопад", эта структура применена специально, чтобы отойти от структуры "Кольца".

В.О.: Итак, со Средиземьем вы покончили окончательно?

Н.П.: Сейчас я завален письмами со слезными просьбами и мольбами: "Опубликуйте "Небо Валинора"! Но "Небо Валинора" публиковать бессмысленно, потому что его конец — путешествие Оршигура, описанное в четвертой части "Адаманта". История войны в Хараде, история митажа в Рохане — они составили, так сказать, "тело" "Неба Валинора". Эти книги мне показались по сравнению с итогом, к которому я подвожу персонажей, малосущественными.

В.О.: Скажите, харадский язык вами создан на основе какого-либо языка, или это собственная придумка?

Н.П.: Это собственная придумка, пусть на практической основе — я не лингвист, но это и не бессмысленный набор звуков.

В.О.: В вашей рекламе есть совершенно замечательный момент...

Н.П.: Я к своей рекламе никакого отношения не имею!

В.О.: ... про Профессора Толкина. Вы можете все-таки что-нибудь сказать про то, кто же является профанатором Толкина?

Н.П.: Да, могу. Профанаторами Толкина являются бесчисленное число авторов англо-американской фантастики, которые слепо скопировали этику Толкина, но при этом не воспроизвели ни его глубины, ни его религиозные убеждения.

Д.: Вы имеете в виду "Dragon Lance"?

Н.П.: Да, и может быть даже в большей степени. С литературной точки зрения этот сериал поднимается над множеством других. Изначально Трейси Хикман и Маргарет Уэйс пытались сделать подобие Толкина, естественно, в меру своего литературного дарования.

Д.: Существует мнение, что эта книга написана по дэнжину...

Н.П.: Да, и могу вам сказать, что изначально все книги пишутся в форме ролевой игры. Надо сказать, что я, при всей моей не любви к играм, когда пишу — фактически играю в своих персонажах, это помогает мне не представить одного дураком, а другого, там, светочем мудрости.

Д.: Не все писатели так, наверное, делают.

Н.П.: Не все. Например, я писал, что я долго не мог понять логику Саурона. Толкин объясняет, что некоторые вещи ему не могут прийти в голову. Всем могут: Гэндальфу могут, Голлуму, хоббиту, эльфу, Галадриэли могут, а Саурону — не могут, априори. Я с этим априори — не согласен. Если мне объяснят, почему не могут — я поверю, а тут нам показывают силу — могучую, страшную, Великий Враг, а допускает ошибки, которые не допустил бы нормальный командир взвода. А ведь Толкин был офицером. Ланкаширские стрелки и все такое прочее...

В.О.: Вы когда-нибудь брали себе иностранный псевдоним?

Н.П.: Брал.

В.О.: Вы не могли бы раскрыть секрет?

Н.П.: Псевдонимы для того и берутся, чтобы не открывать секрета. Может быть, когда-нибудь...

© Толкиновское общество Санкт-Петербурга. Перепечатка только по специальному разрешению.

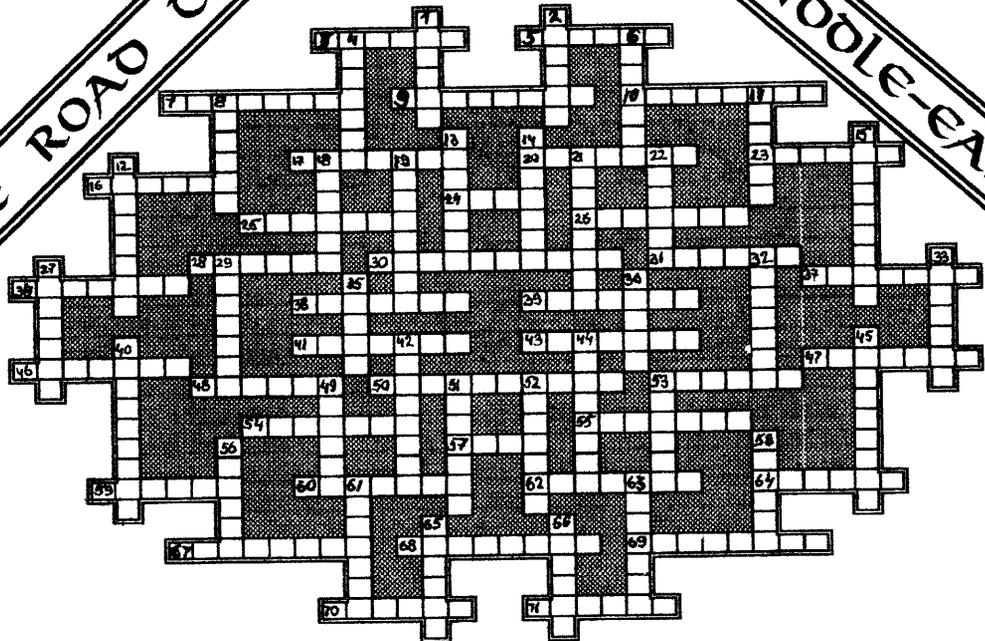
20 июня отметил свой очередной День Рождения наш коллега и соратник Золтан Бардинг из Эгарота. Буквально с первого номера Резвого Пони он вносил свой неоценимый вклад в Толкинистическую журналистику. Кому не известны его великолепные кроссворды?! А ведь кроме ежедневных и еженедельных забот о журнале он к тому же успешно возглавляет игровую секцию Толкиновского общества. Настоящим подарком была проведенная им ролевая игра "Земля кельтов", талантливо организованная и проведенная Золтаном и приуроченная к самому славному празднику, с которым мы его сердечно

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

К сведению тех, кто хотел заявиться на "Ариор-1409", но еще не успел это сделать. Прием заявок и выдача карт игрока производится во время продаж "Резвого Пони" в том же месте. Следите за объявлениями!

«THE ROAD TO

MIDDLE-EARTH»

По горизонтали: 3. Возлюбленная Финрода, оставшаяся в Валлиноре. 5. Голос, речь (синд). 7. Автор сказания «Нарн-и-хри-Хурин». 9. Река в Эрегионе. 10. Цветок, зацветший в Дорнате, когда там родилась Лутхэн. 16. Майя, покинувшая Балнор ради Средиземья. 17. Копи в Окружных Горах недалеко от Гондоллина. 20. Дед Мервадока. 23. Отец Барахира и Бреголаса. 24. Река, обогатившая Дорнат с юга. 25. Имя меча Англахеда после перековки. 26. Имя, которое в юности носила Тар-Анкалиме. 28. Строитель Гондоллина. 30. Самая высокая из башен Эмин Бараид, в которой хранился палантин. 31. Отец Гримы Червослова. 34. Предводитель дундайн. 37. Капитан первого пришедшего в Средиземье нумерского корабля. 38. Старший сын Эвендила. 39. «Далеко путешествующий» (рох). 41. Вождь, приведший Эотеод в северные земли. 43. Главный поселок Бэкланда. 46. Четырнадцатый князь Арнора. 47. Глава племени Халет, убитый Турином. 48. «Вспышка звездного света» (синд). 50. Название Аскара после того, как в нем были утоплены сокровища Дорната. 53. Один из разбойников шайки, в которую попал Турин. 54. Эльфийская гавань на берегу Синего Залива. 55. Эльф из Фангорна. 57. Река, впадающая в Андуйн выше Педаргира. 59. Большое озеро на востоке Хитлума. 60. Эльфийское название табака. 62. Квэнийское название декабря. 64. Пандор, погибший по вине Турина. 67. Один из Синих Магов. 68. Брод на Аросе. 69. Эльфийское название Млечного Пути. 70. Правитель Ламедона. 71. Владыка Рохана, прозываемый Леофа.

По вертикали: 1. Меч Фингофинна. 2. Прозвище Хурина. 4. Военачальник Тингола, убитый в Менегроте гномами. 6. Другое название Нэнуайла. 8. Один из спутников Барахира в Доргонионе. 11. Край между реками Сарнон и Миндеб. 12. Река, протекавшая через Лоризн. 13. Одно из имен Галадриэль. 14. Советник Элронда. 15. Область в Гондоре. 18. Имя Турина среди Отверженных. 19. Молодой энт из Фангорна. 21. «Залы Памяти» (синд). 22. Предводитель шайки, в которую попал Турин. 27. Старший сын Арведуи. 29. Гигантские рога, созданные майя Салмаром. 32. Седьмой день, введенный нумерцами в традиционную неделю. 33. Князь долины Черного Корня. 35. Гном из компании Турина. 36. Предводительница хасаднинов. 40. Квэнийское название октября. 42. «Пограничная Река», текущая на запад с Туманных Гор. 44. Четвертый князь Арадеяна. 45. Название песни о Солнце и Луне. 49. «Наследство» (синд). 51. Квэнийское название мая по нумерскому календарю. 52. «Осенний день» (кв.). 53. Королевство Верховного Назгула. 56. Восточная оконечность Андрама. 58. Место сожжения кораблей гэлери Феанором. 61. Третий приток Гэлвона. 63. Кинжал Берена. 65. Гора, где было логово Смауга. 66. Айнур, пришедшие в Эа в Начале Времени.

Ответы на кроссворд, напечатанный в предыдущем номере:

По горизонтали: 5. Арметэд. 8. Единое. 9. Ниенна. 10. Тэнгва. 11. Аннаэл. 12. Эмернэ. 13. Элуред. 15. Астары. 16. Фортинбрас. 17. Древобород. 18. Аравал. 20. Элеммире. 22. Адрахил. 23. Нарвани. 24. Аргелеб. 29. Гингал. 31. Аргони. 32. Анориэн. 34. Эотайн. 35. Оранор. 37. Виндфола. 38. Халифириэн. 39. Алдарном. 41. Сакалтор. 42. Воронлондэ. 45. Орнедил. 47. Эдорас. 49. Рагнор. 51. Дунланд. 52. Нархост. 53. Хэрумор. 55. Лэйтнан. 57. Миризь. 58. Арвелег. 60. Делдуват. 63. Таварэ. 64. Дебетлинги. 65. Пассемиста. 66. Азагал. 67. Нимлот. 68. Хисимэ. 70. Рингло. 72. Низнор. 73. Меарас. 74. Нардол. 75. Хисифана.

По вертикали: 1. Чернолесье. 2. Стеррэнден. 3. Белладонна. 4. Боран. 6. Гимли. 7. Каризжорон. 10. Тарланг. 14. Дуртанг. 15. Андраст. 19. Потпани. 20. Эленна. 21. Эндорэ. 25. Рана. 26. Бундушатур. 27. Винналондэ. 28. Таурэморнэ. 29. Глорфиндрэ. 30. Анор. 31. Агларонд. 33. Нелдорет. 34. Эленва. 36. Ромнар. 40. Эста. 43. Оральд. 44. Дорнат. 46. Арда. 48. Оркрисст. 50. Нэнунал. 54. Рохэрин. 56. Имразор. 57. Менеттарма. 59. Гилтониэль. 61. Лайрэлосса. 62. Валараукар. 69. Иавас. 71. Логар.

Иллюстрированный журнал Санкт-Петербургского Толкиновского общества
"Резвый Пони"

Выпускается ежемесячно. Формат А-4. N 8 к печати с оригинал-макета 24.06.96.

Редакционный совет: Золтан Бардинг, Моргул, Оромэ Аддарон, Стина Сериндэ, Эондан, Эрандил.

Перепечатка любых материалов возможна только с письменного разрешения представителя совета Толкиновского общества. При перепечатке ссылка на Санкт-Петербургское Толкиновское общество и название журнала обязательна.

Адрес редакции: СПб 197110 А/я 195